

РЕНОМИНАЦИЯ МАЛАГАСИЙСКИХ РЕАЛИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ

И. Л. Бузук

Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко (Тирасполь)

Поступила в редакцию 5 февраля 2017 г.

Аннотация: в статье предпринимается попытка проанализировать процесс описания малагасийской действительности во французской письменной речи. Исследование проводится в рамках теории межъязыковой реноминации с использованием свойственной ей терминологии: R-реалии (артефакт, натурфакт), C-реалии (ментефакт), L-реалии (номинативные единицы, обозначающие культурные предметы/культурные концепты).

Ключевые слова: реалия, реноминация, действительность, R-реалия, C-реалия, L-реалия.

Abstract: the author analyzes the process of describing of Malagasy reality in French written speech. The research is based on the theory of cross-linguistic renomination utilizing the classification of linguocultural realia: R-realias (artifact, nature fact), C-realias (mental fact), L-realias (nominations denoting cultural objects or cultural concepts).

Key words: realia, renomination, reality, R-realia, C-realia, L-realia.

Преодоление лингвокультурной асимметрии в процессе межкультурной коммуникации имеет первостепенное значение на пути к диалогу культур, т. е. к равноправному взаимодействию культур на основе взаимопонимания их представителей. Межкультурная коммуникация, в свою очередь, предполагает «общение представителей разных национально-лингво-культурных сообществ, носителей разных ментально-лингвальных комплексов, обладающих разными национальными когнитивными базами» [1, с. 96].

Преодолеваемый лингвокультурный барьер становится еще ощутимее, когда речь заходит не только о двух языках, между которыми отсутствуют родственные связи, но и когда соответствующие культуры имеют глубокие различия. Как, например, в нашем случае, когда национально-специфическая лексика, а именно слова-реалии, репрезентующие малагасийскую действительность, порождают непонимание, пробелы, «белые пятна» [2, с. 4] на семантической карте языка, текста или культуры представителей французского ментально-лингвального комплекса.

Слова-реалии представляют такие предметы, явления и понятия, которые «считаются первоочередными, «ближайшими» для говорящих на данном языке. Будучи носителями информации о мире с этнических позиций, они коррелируют с явлениями, присутствующими в одной культуре и отсутствующими в другой. Вследствие этого неизвестные или малоизвестные чужие реалии нередко становятся фактором риска в межкультурной коммуникации и препятствуют достижению взаимопонимания участ-

ников диалога как способа и средства обмена культурными ценностями» [3, с. 152].

М. Н. Есакова отмечает, что речь не обязательно может идти об отсутствии в одной этнической культуре определенных элементов, имеющих в другой культуре, но и о том, что отношение к тем или иным объектам, существующим в общечеловеческой культуре, могут быть различными. «Эти объекты способны вызывать разные ассоциации, т. е. по-разному сопоставляться с культурным опытом разных народов и с собственным когнитивным опытом субъекта, т. е. вызывать в сознании разные фреймы» [4, с. 13].

Основополагающими в рамках нашего исследования являются научные изыскания отечественных лингвистов А. А. Кретьова и Н. А. Фененко, разработавших собственную концепцию системного описания реалий [5, с. 5] в аспекте теории межъязыковой реноминации. Суть данной концепции «состоит в назывании («отображении») «чужого» денотата, отраженного в сигнификате, средствами «своего» языка, в процессе которого может происходить некоторое преобразование (изменение) сигнификата» [6, с. 154].

Материалом для анализа послужили контексты, содержащие описания реалий малагасийской культуры, выделенные методом сплошной выборки из текстов французских авторов, пишущих о Мадагаскаре. Такими текстами стали романы, литературные сказки, рассказы, путевые записки, общая длина текста которых составила 595 613 словоупотребления. Номинации малагасийских реалий на этом текстовом пространстве дали 767 примеров.

Исходя из общепринятой в мировой практике единицы измерения частотности, указанные две величины позволяют вычислить частоту употреблений

малагасийских реалий во французских текстах – 1,29 унам (ipm). Анализ эмпирического материала позволил выявить 10 самых встречаемых слов-реалий,

используемых авторами в письменной речи при описании малагасийской действительности и представленных на рис. 1.

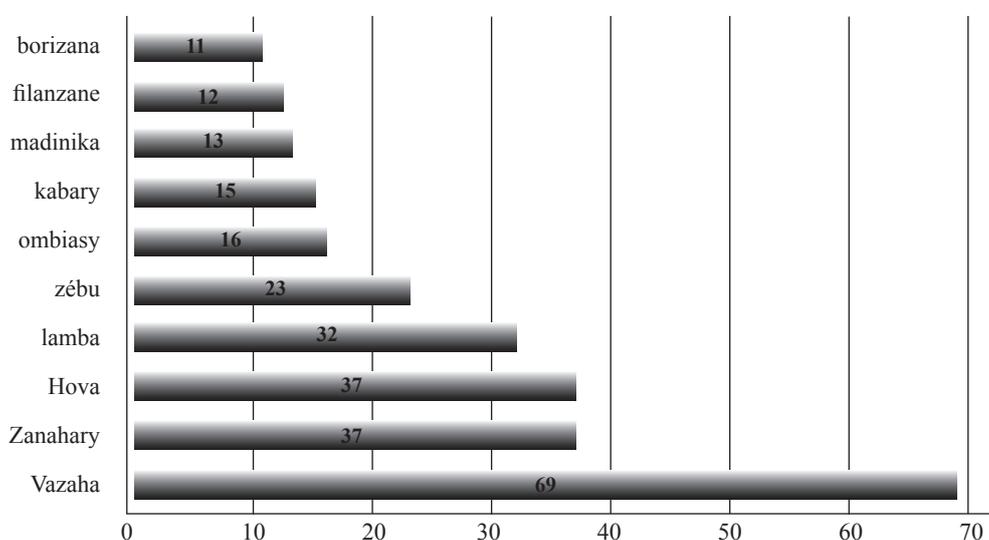

Рис. 1. Малагасийские реалии, обладающие наибольшей встречаемостью во французских письменных текстах

Рассмотрим подробнее процесс перекодирования реалий малагасийской действительности в аспекте теории реноминации с использованием свойственной ей терминологии: R-реалии, С-реалии и L-реалии.

Малагасийская реалия *Vazaha* встретила 69 раз в 4 из 11 анализируемых произведений с общей длиной текста 219 753 слова. Таким образом, частота употреблений малагасийской реалии *Vazaha* во французских текстах составляет 3,14 унам (ipm). Рассмотрим на конкретных примерах, как происходит освоение малагасийского лингвокультурного пространства средствами французского языка.

Ensuite le vazaha dit à l'enfant: «Tu vas trouver quatre personnes pour me porter, car j'irai chez toi» (Затем вазаха сказал ребенку: «Ты должен найти мне четырех носильщиков, так как я собираю к тебе») [7, р. 78] (здесь и далее перевод с французского наш. – И. Б.).

Описывая «чужую» действительность (С-реалию), Р. Декари вводит в свое повествование «чужую» L-реалию (лексическую единицу, представляющую собой транслитерированный малагасизм). Далее внизу страницы следует сноска, раскрывающая значение малагасийского слова: *Vazaha est le nom générique des étrangers de race blanche. On distingue d'autre part vazaha bé et vazaha kely, grand Blanc et petit Blanc, suivant l'importance sociale de l'intéressé (Вазаха – это общее название чужеземцев белой расы. Различают вазаха бе и вазаха кели, великий белый и малый белый, в зависимости от социальной значимости упоминаемого лица)*. Первая фраза комментария, данного в сноске, слово в слово совпадает

со словарной дефиницией реалии *Vazaha*, приведенной в «Малагасийско-французском словаре» [8, р. 820]. Однако автор идет дальше и сообщает читателю дополнительную информацию о разделении данной категории людей на классы. В целом процесс описания малагасийского слова с позиции теории реноминации можно свести к следующей схеме: «чужая» С-реалия → «чужая» L-реалия + «своя» С-реалия.

Развернутая С-реалия-экспликация может даваться и в самом повествовании. Например:

Mais tu es un Vaza pour le Malgache, c'est-à-dire un homme de race supérieure et Noblesse oblige, surtout au pays madécasse: la hache et la pioche y sont faites pour les seules mains des Noirs (Но ты для малагасийца Ваза, т. е. человек высшей расы, а положение обязывает, особенно в малагасийской стране: топор и мотыга сделаны только лишь для рук черных) [9, р. 5].

Из примера видно, что автор вновь вводит «чужую» транслитерированную L-реалию, за которой следует «своя» С-реалия – *un homme de race supérieure*. Дальнейшее использование указанной реалии в тексте этого же автора не сопровождается ни комментариями, ни сносками. Во французский контекст вносится лишь «чужая» L-реалия, которая, с одной стороны, привлекает внимание читателя своей языковой непохожестью на другие слова фразы, своей необычностью, экзотичностью, а с другой стороны, это слово грозит остаться в памяти лишь «экзотическим иероглифом, досадной помехой при чтении» [10, с. 169].

Малагасийская реалия *Zanahary* встретилась 37 раз также в 4 из 11 анализируемых произведений с общей длиной текста 180 733 слова. Из чего следует, что частота ее употреблений во французском корпусе составляет 2,05 унам (ipm). Изучение ее функционирования в различных контекстах показало, что эта лексическая единица всегда передается французским языком путем введения «чужой» L-реалии с последующим ее объяснением в сноске внизу страницы, но только лишь при первичном введении указанного слова в ткань повествования.

Le Zanahary m'a apporté du riz et du lait (Занахари принес мне риса и молока) [11, р. 83]. Сноска внизу страницы содержит пояснение: *Dieu, créateur (Бог, творец)*, которое с точки зрения теории реноминации представляет собой «свою» R-реалию, аналог во французской лингвокультуре.

В произведениях Ф. Делери [12] и Р. Декари [7] комментарии, которыми сопровождается введение малагасийской *Zanahary*, обладают одинаковым информационным потенциалом: *Dieu, créateur (Бог, творец)* – введение французской R-реалии, и ни слова больше. Тем самым, подобное описание слова *Zanahary* приравнивает его к дефиниции этого же слова в словаре А. Абиналя и В. Мальзака [8, с. 867].

III. Ренель в отличие от своих соотечественников приводит в сноске развернутую C-реалию-экспликацию: *Zanahary, Andriamanitra – Puissances divines sous leur forme la plus vague. Le Zanahary qui a fait la terre s'appelait Andriamisazozo. C'est lui aussi qui fabriqua avec du bois le premier homme appelé Andriampivelona (Занахари, Андриаманитра – божественные силы в их самом общем значении. Занахари, сотворивший землю назывался Андриамисазузу. Он же создал из дерева первого человека, получившего название Андриампивелуна)* [13, р. 1].

Частота употреблений малагасийской реалии *Hova* во французских текстах составляет 8,07 унам (ipm). Реноминация данной лексической единицы в анализируемых французских текстах сводится к двум типам. Обратимся к примерам.

Nous n'avons jamais été des guerriers, ni les Hovas ni les autres tribus, nous sommes des bergers, des paysans, des pêcheurs, des montagnards, nos vieillards sont courbés dans les rizières (Мы никогда не были воинами, ни Хува, ни другими племенами. Мы – пастухи, крестьяне, рыбаки, горцы, наши старики горбачатся на рисовых плантациях) [14, р. 152]. Данный пример иллюстрирует простой тип реноминации – «чужая» C-реалия → «чужая» L-реалия, где введение L-реалии позволяет сохранить национально-культурный колорит, но не обеспечивает его понимание французским читателем.

Расширение концептосферы носителей французского языка демонстрирует следующий пример, где автор вводит «свою» C-реалию, разъясняющую, что

же стоит за малагасийским словом: *Ils se sont naturellement adressés en priorité aux dirigeants et aux possédants, c'est-à-dire aux Andriana et aux Hova (В первую очередь, они, естественно, обращались к руководителям и собственникам, т. е. к Андриана и Хува)* [12, с. 14]. В сноске указано: *hommes libres; bourgeois merina (свободные люди; буржуа народа мерина)*. Относим данный пример к комплексному типу реноминации и схематически отображаем его следующим образом: «чужая» C-реалия → «чужая» L-реалия + «своя» C-реалия.

Малагасийская реалия *lamba* упоминалась в 9 из 11 анализируемых произведений. Частота ее употреблений составляет 5,91 унам (ipm). В большинстве случаев, как и реалия *Hova*, *lamba* представлена французскому читателю через транслитерированную малагасийскую L-реалию в простом типе реноминации. Вводя ее впервые в текст, автор поясняет значение слова либо в непосредственной близости к реалии, либо дистантно в виде сносок, комментариев внизу страницы, прибегнув тем самым к комплексному типу реноминации. В качестве подтверждения данного утверждения представляется возможным привести примеры из произведений.

Avec le chanvre on fait des lambas grossiers qui sont le vêtement ordinaire des pauvres, des esclaves et même des riches pour les jours ordinaires (Из волокон конопли изготавливают грубые ламбы, повседневную одежду бедных, рабов и даже богачей; последние носят такую ламбу только в обычные дни) [15, р. 100]. Благодаря введению «своей» C-реалии французский читатель понимает, что *lamba* является одеждой жителей Мадагаскара, изготавливаемой из волокон конопли.

Nu-tête, les cheveux tressés enduits d'huile rance ou d'un cosmétique bon marché, elles avaient uniformément revêtu une ample jupe bleue et passé en travers des épaules un lamba d'une étonnante blancheur (Без головного убора, с заплетенными волосами, смазанными прогорклым маслом или дешевым косметическим средством, они были однообразно одеты в широкие голубые юбки, а на плечах у них были ламбы удивительной белизны) [12, с. 289]. В данном случае введенная в сноске C-реалия конкретизирует: *Lamba – grand châle blanc porté par les femmes (большая белая шаль, которую носят женщины)*.

Ils se drapent le haut du corps dans le lamba, sorte de châle carré long qui est le manteau national malgache (Верхнюю часть тела они покрывают ламбой, своего рода длинной квадратной шалью, являющейся малагасийским национальным пальто) [9, с. 94]. В этом примере, эксплицируя значение слова, автор не только использует L-реалию и C-реалию-экспликацию, но и подыскивает аналог во французской лингвокультуре, практически отождествляя малагасийскую

lamba с французским *manteau* (пальто). Речь идет о введении «своей» R-реалии.

Ж. Лоншан, описывая эту же малагасийскую реалию посредством французской С-реалии, представленной в сноске, также вводит «свою» R-реалию, выбрав в качестве аналога слово *écharpe* (шарф), например: *Faisons une corde avec nos lamba, dit-il (Давайте свяжем из наших ламб веревку)* [11, с. 75]. Далее следует пояснение: *lamba, vêtement national, sorte d'écharpe (национальная одежда, что-то вроде шарфа)*.

Таким образом, сопоставляя описание малагасийской реалии *lamba* во французской письменной речи, можно отметить, что набор признаков, заложенных в дефиницию этого слова, варьируется в зависимости от автора. Так называемым ядром семантических признаков является указание на то, что речь идет о *vêtement* (вещи) (рис. 2). А далее авторы делают акцент либо на том, из чего изготовлена эта одежда, кому она предназначена, ее цветовые характеристики и т. д., либо осуществляют подбор эквивалентов «своей» культуры для реалий «чужой» культуры, в результате чего «происходит не только изменение в описании той или иной предметной ситуации, но и заменяется сама предметная ситуация» [16, с. 403].

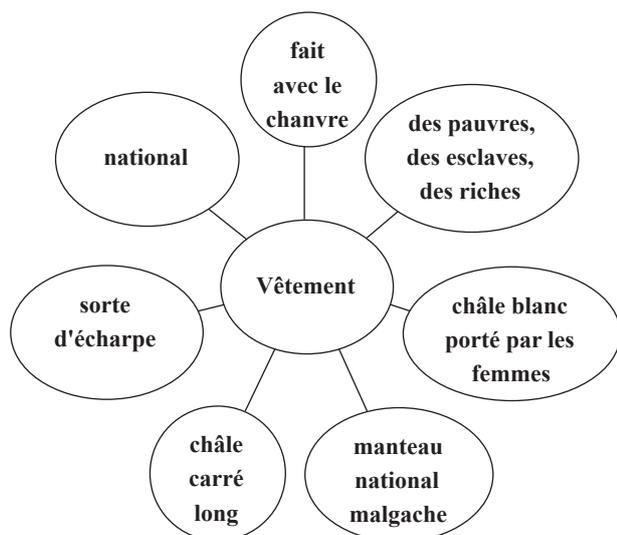

Рис. 2. Семантические признаки предмета, входящие в значение реалии *lamba*

Весьма интересны случаи описания реалии *zébu*, чья частота употреблений во французских текстах составляет 4,9 унам (ipm). Известно, что зебу считается священным животным на Мадагаскаре, его голова изображена на эмблеме Мадагаскара. «В зебу видят божество, вечно сохраняющее узы с предками, поэтому владелец огромного стада, пусть даже из тощих животных, слывет за любимца богов» [17, с. 96].

В малагасийско-французском словаре А. Абиналя и В. Мальзака слово *zébu* отсутствует, так как для

обозначения этого животного малагасийцы используют слова *omby – bœuf, l'espèce bovine (бык, вид крупного рогатого скота)* [8, с. 462] и *jamòka – ancien nom des boeufs (устаревшее название быков)* [8, с. 291]. Но слово *zébu* зафиксировано во французских переводных и толковых словарях: *Grand bovidé domestiqué, vivant en Asie et en Afrique tropicale et surtout à Madagascar et qui se caractérise par la bosse grasseuse qu'il porte sur le dos et, chez certaines espèces, par de longues cornes. Mot tiré des parlers de l'Inde ou du tibétain zeu, zeba «bosse du zébu, du chateau».* (Одомашиненный крупный рогатый скот, живущий в Азии, Тропической Африке и особенно на Мадагаскаре, характеризующийся жировым горбом на спине; у некоторых видов есть длинные рога. Слово пришло из индийского диалекта или тибетского языка zeu, zeba «горб зебу, верблюда») [18].

Во французской письменной речи во всех зафиксированных случаях описание этого животного происходит путем введения «чужой» L-реалии без раскрытия содержания реалии: *Le surlendemain, ils achetèrent un zébu dans un village voisin et organisèrent un repas d'adieu (Через два дня они купили в соседней деревне зебу и организовали прощальный ужин)* [12, с. 132].

Только лишь в книге П. Верди появление слова в тексте сопровождается достаточно развернутой энциклопедической информацией: *Les zébus ou bœufs de Madagascar appartiennent à l'espèce bos indicus; on suppose qu'ils y ont été introduits de l'Inde par l'Afrique. Ces animaux, de taille moyenne, mais de formes superbes, portent tous sur le dos une loupe épaisse et charnue dont la forme rappelle celle du bonnet phrygien; les indigènes se servent de l'enveloppe de cette loupe en guise de casquette (Зебу или малагасийский бык принадлежит к виду bos indicus; предполагается, что они были завезены через Африку из Индии. Это животные средних размеров, с красивыми формами, с большим плотным наростом на спине, напоминающим фригийский колпак; местные жители используют оболочку этого нароста в качестве кепки)* [15, с. 20].

Данный тип реноминации представлен следующей схемой: «чужая» R-реалия → «чужая» L-реалия + «своя» С-реалия.

Таким образом, проведенный анализ процесса описания малагасийской действительности во французской письменной речи позволил выявить следующие закономерности. Освоение малагасийских реалий осуществляется по 7 типам реноминации, представленных на рис. 3.

Предпочтение отдается комплексным типам реноминации и заимствованию «чужой» лексической единицы, передающей «чужой» культурный концепт. Введение транслитерированной малагасийской L-реалии было отмечено в 706 случаях. Здесь следует

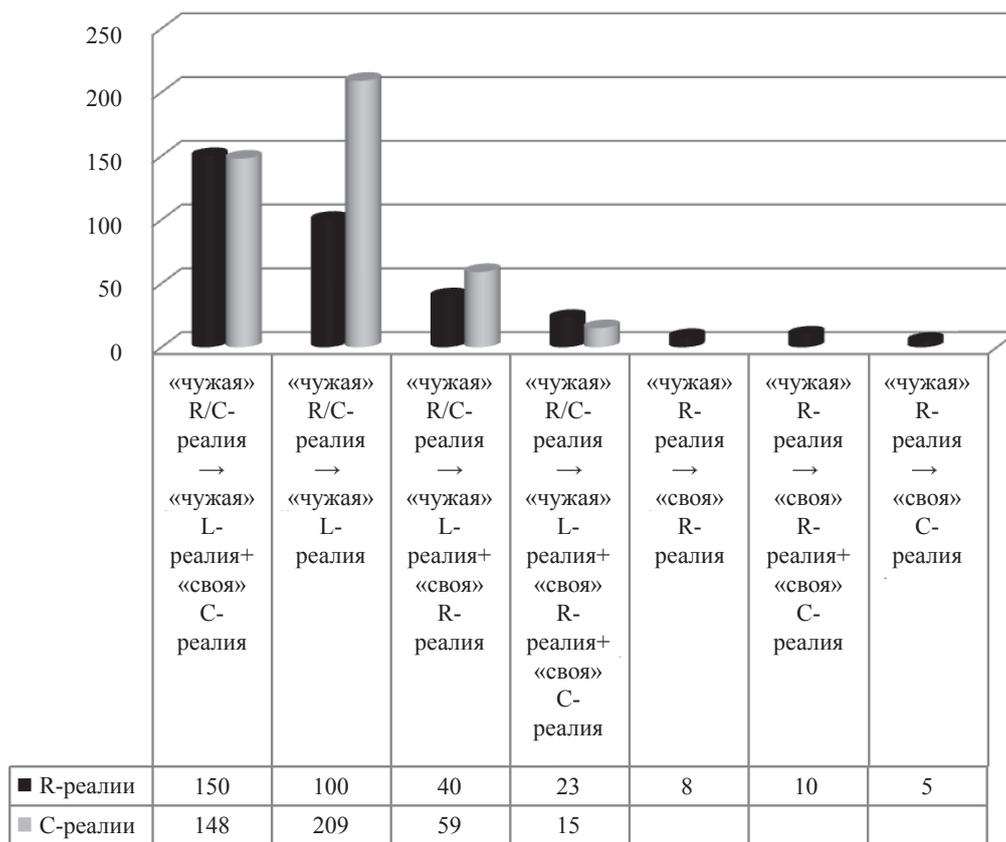

Рис. 3. Реноминация реалий во французской письменной речи

отметить, что в подавляющем числе примеров введению L-реалии в простых типах реноминации, а их 309, предшествуют в разной степени развернутые экспликации, свидетельствующие об отсутствии аналогичного концепта во французском языке. В подобных случаях авторы дают толкование реалии лишь при ее первичном введении в текст, а далее ограничиваются простым введением L-реалии. Порой разрыв между толкованием слова и последующим его транслитерированным появлением в тексте достигает нескольких десятков страниц, заставляя читателя вновь пролистывать текст в поисках комментария к данному слову. Введение L-реалии, с одной стороны, разрушает ткань повествования, созданную на французском языке, отвлекает читателя, разбивает единство впечатления, а с другой стороны, является способом заставить читателя ощутить «налет чужеземности» в литературной ткани [10, с. 171].

Появление французской C-реалии при описании малагасийских реалий говорит о расширении концептосферы своей культуры средствами своего языка. Частота ее использования в процессе реноминации составила 351 раз и, как правило, C-реалия была введена наряду с L- или R-реалией. C-реалия ведет к выработке нового знания о незнакомой малагасийской культуре у носителей французского языка. Как

показал анализируемый материал, реноминация путем введения C-реалии происходит как в самом тексте по ходу повествования, так и в сопутствующем ему метатексте, декодирующем значение малагасийской реалии: в сносках, помещенных внизу страницы, или же в толковых глоссариях, прилагаемых в конце книги.

Попытка культурной адаптации текста, т. е. введение «своей» R-реалии, отмечена в 155 примерах. Столь небольшое количество может говорить о трудностях установления эквивалентности между малагасийскими и французскими реалиями, связанных с различием двух лингвокультур. Как отмечает В. Н. Комиссаров, адаптация текста гипертрофирует культурно-этнические различия между народами и недооценивает «способность человека усваивать элементы чуждой ему культуры, понимать, что другие люди могут иметь другие обычаи, жить в других условиях и т. д.» [19, с. 56]. С одной стороны, введение R-реалии способствует прозрачности и легкости восприятия текста, а с другой стороны, ведет к созданию впечатления отсутствия различий между малагасийской и французской культурами, искажая тем самым представления французов о малагасийских предметах, явлениях или понятиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
2. Марковина И. Ю. Культура и текст. Введение в лакунологию / И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин. – М.: Гэотар-Медиа, 2010. – 144 с.
3. Фененко Н. А. Функциональный потенциал реалий во французском художественном тексте / Н. А. Фененко // Язык, коммуникация и социальная среда: ежегодное международное научное издание. – 2014. – Вып. 12. – С. 151–173.
4. Есакова М. Н. Ситуативные реалии как переводческая проблема (на материале текстов произведений М. Булгакова и их переводов на французский язык): автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Н. Есакова. – М., 2001. – 24 с.
5. Фененко Н. А. Французские и русские реалии в аспекте теории межъязыковой реноминации / Н. А. Фененко. – Воронеж: Изд.-полиграф. центр Воронеж. гос. ун-та, 2013. – 220 с.
6. Кретов А. А. Реноминация как проблема перевода / А. А. Кретов, Н. А. Фененко // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – № 2. – С. 154–157.
7. Decary R. Contes et légendes du sud-ouest de Madagascar / R. Decary. – Paris: Maisonneuve et Larose, 1964. – 232 p.
8. Abinal A. Dictionnaire malgache-français: Mission catholique de Tananarive, Madagascar / A. Abinal, V. Malzac. – Ed. Maritimes et d'Ourte-Mer, 1955. – 876 p.
9. Macquarie J. L. Voyage à Madagascar / J. L. Macquarie. – Paris: E. Dentu, 1884. – 435 p.
10. Вопросы художественного перевода: сб. статей / сост. В. Россельс. – М.: Советский писатель, 1955. – 308 с.
11. Longchamps J. Contes malgaches / J. Longchamps. – Ill. par l'auteur; Comment. folkloriques de Paul Delarue. – Paris: Erasmе, 1955. – 229 p.
12. Délérис F. Le Vazaha / F. Délérис. – Paris: L'Harmattan, 1995. – 208 p.
13. Renel Ch. Contes de Madagascar. Troisième partie. Contes populaires / Ch. Renel. – Paris: Ernest Leroux, 1930. – 195 p.
14. Cauvin P. Villa Vanille / P. Cauvin. – Paris: Albin Michel, 1995. – 441 p.
15. Verdy P. Madagascar. L'île reine / P. Verdy. – Limoges: Marc Barbou et Cie, 1900. – 327 p.
16. Гарбовский Н. К. Теория перевода: учебник / Н. К. Гарбовский. – 2-е изд. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. – 544 с.
17. Корочанцев В. А. Остров загадок и открытый / В. А. Корочанцев. – М.: Мысль, 1982. – 206 с.
18. Centre National de ressources textuelles et lexicales (CNRTL). – Mode of access: <http://www.cnrtl.fr/definition>
19. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода: учеб. пособие / В. Н. Комиссаров. – М.: ЧеРо, 1999. – 136 с.

Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко

Бузук И. Л., преподаватель кафедры романо-германской филологии

E-mail: kassarechi@mail.ru

Тел.: (373) 777-000-21

Pridnestrovian State University named after T. G. Shevchenko

Buzuk I. L., Lecturer of the Romance and Germanic Philology Department

E-mail: kassarechi@mail.ru

Tel.: (373) 777-000-21